

4 суб. в. 1939 г.

Уриель Акоста " др. т

Моя новая роль

В фашистских застенках, в концентрационных лагерях томится десятки тысяч людей науки, искусства и труда, стойких борцов за лучшее будущее человечества, непоколебимых революционеров. Каждый день газеты и радио сообщают все новые известия о еврейских погромах в фашистской Германии, об издевательствах над величайшими светилами мировой науки. Я не могу оставаться спокойным, я должен что-то сделать, я должен дать исход накопившемуся гневу и возмущению.

Эти мысли и чувства определили мое отношение к роли Уриеля Акоста, над которой мне предстоит работать в 1939 году. Свободная, уверенная в своей правоте и чистоте человеческая мысль, гордо противостоящая всем темным силам религиозного изуверства, мракобесия и оппортунистического стремления к мещанскому покою, в убогом душевном уюту, — вот тема трагедии о философе-атеисте Акосте. Тема Акосты перекликается в наши дни с настроениями лучшей части интеллигенции в капиталистических странах.

Когда Похан предлагает Акосте бежать от опасности и уклониться от предстоящей борьбы, Акоста отвечает: «Кто ратовать готов за истину, тот не попреет ногами прекраснейших лучей в ее венце..., огня борьбы, который возжигает в нас истина». Избавляя себя и дорогих ему людей «от битвы сердца», Уриель Акоста не отступает трусливо «перед битвою ума».

Образ Уриеля Акосты в наши дни не может быть трактован ограниченно. Это не только жертва религиозного фашизма развинтой общины в Амстердаме в середине XVII века. Нет, для меня Уриель Акоста — образ обобщенный, образ борца за передовые идеи, за человеческую мысль, движущую вперед историю.

Уриель Акоста был человеком со всеми присущими человеку страстями. Он мог колебаться, отступать. Ему трудно было побороть голос сердца. Он мог страшиться

и за свою судьбу и за судьбу своих близких. Уриель Акоста сознательно дважды подверг себя позору, отрекшись от провозглашенной им истины. Но все же с пред-рассудками господствующей религии он не примирился и предпочел вовсе уйти из жизни, чем быть рабом фанатизма и изуверства.

Судьба Уриеля Акосты и заветы его грядущим поколениям, оставленные в его «Примере одной жизни» (этом потрясающем человеческом документе), поучительны. Сознывая всю опасность даже временного компромисса, Уриель говорит перед смертью: «Нет! Кто с первых дней сошел с прямой дороги, тот пусть потом из камня хлеб творит, — ему никто не станет верить. Силу святого убеждения навсегда терлет тот, кто раз от убеждения отреся».

Уриель Акоста говорит всему миру, современникам и грядущим векам о незыблемости правды, за которую он берется в течение всей жизни: «Спадите, груди камней, с моей груди! На волю, мой язык! Воспрянь, мой ум, и, как Самсон, пред смертью с отчаянным усилием разорви позорные оковы! Я разрушу моей рукой колонны ваши! Я — слепой скрипач, которому внезапно почудилось, что он легок, поющий про скорбь свою, чтоб песнею своей заставить вас пуститься в пляс веселый! В последний раз трахнул я волосами и вам кричу: все, что прочел я (во время отречения), — ложь! Вы буквою сковать хотите дух! Мы требуем свободы от ярма!»

Три столетия отделяют нас от эпохи Уриеля Акосты. Многие из мыслей, сформулированных им в его «Трактате о смертности человеческой души», к сожалению, дошедшем до нас только в обрывках, стали впоследствии достоянием воинствующей атеистической, материалистической философии всего мира.